

КУЛЬТ ПЕРУНА У ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Йордан Иванов

1. Вопрос о Перуне в славянской мифологии

Ход славянской мифологии очень интересен: чем легче обогащалась ее область, тем скорее и суживались границы этой области, пока наконец от нее не осталось чуть ли не несколько невыясненных имен. В 18-м и в начале 19-го века, с открытием группы памятников западнославянской старины, с опубликованием многих литературных произведений древнерусской старины, с исследованием простонародного быта славян, при том обаянии разукрашенного прошлого национальности, каковым его представляла наступившая уже романтическая эпоха, - естественным становится желание заглянуть в затаенные уголки быта славян с целью открытия каких-либо сведений о старинной религии славян. Да притом существовала еще одна приманка об этом: греческая и римская мифологии, прелестный ореол классического прошлого, соблазняли, возбуждали патриотизм славянина, заставляли его тоже создать у себя дома свой Олимп со своими богами и богинями.

Первоначальные опыты к очертанию славянской мифологии далеко не имели научного характера. Михаил Попов высказался о своем "Кратком описании славянского баснословия" (1768), что это сочинение "сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок"¹, а Григорий Глинка сам признавал, что только от себя делал прибавления в своем сочинении "Древняя религия славян", (Митава, 1804)², 1. Сочинение Кайсарова "Versuch einer slavischen Mythologie in alphabetischen Ordnung", (Gottingen, 1803) как ни хорошо было встречено его современниками³, однако в нем видны ошибки тогдашней исторической бескритичности и плохое исследование памятников; те же самые недостатки заметны до сих пор у всех авторов, писавших о славянской мифологии под влиянием мифологической школы Гримма⁴.

Но когда было открыто, что некоторые из памятников, давших обильный материал для мифологии, были поддельными (например, портрет бога Радигаста, Прильвицкие идолы, Суд Любуши, Краледворская рукопись, словарь Mater Verborum и т.д.), большая часть богов выброшена была из славянского пантеона. И особенно с тех пор как Делоншан, Бенфей и др. миграционисты⁵ указали на возможность устного и литературного заимствования того, что мы считали исконным; с тех пор как школа Макса Мюллера доказала, что многие из мифологических имен ничто иное как пустые слова, произошедшие от ненормальности языка - "Мифлогия - болезнь языка" - с тех пор и поколебленно было в основе здание баснословия вообще и славянского в частности. Сначала отдельные голоса, а потом, во второй половине 19-го века, возникла уже целая школа ученых, смотревших с колебанием на достоверность славянских мифов. Увлечение ученых Гриммовской школы дошло наконец до *plus ultra*, вследствие чего и в каждом попавшемся или выдуманном словце стали видеть праславянское или же индийское божество, такой обратной крайностью отличались некоторые последователи миграционной школы. Дело это дошло уже до того, что из русского, например Олимпа выброшены были почти все божества. Кирпичников⁶ сберег только одно Перуна, а Шеппинг⁷, выбросив даже последнего, признал только Велеса, когда, напротив, все почти остальные исследователи считают его чужим, иноземным. После того и не удивительно, что г-н Б.-де-Куртенэ выразился следующими словами: "Несмотря на множество более или менее значительных трудов, посвященных славянской мифологии, можно без преувеличения сказать, что такой науки до сих пор не существует"⁸, или что г. Ягич, по случаю появления славянской мифологии Михаила, воскликнул: "eine slavische Myphologie!"⁹

Возникшее таким образом у некоторых мифологов сомнение поколебало отчасти и достоверность единственного и при том неоспоримого славянского божества - Перуна, о котором существует больше всего документов. Гримм первый указал на то, что славянское Перун происходит от готского слова *fairguni*, гора¹⁰. В Эдде мать Тора часто называется *Fiorgyn* - имя, которым именуется и сын ее, громовник Тор. Шеппинг во второй раз уже берется представить Перуна неславянским божеством, перешедшим к славянам через литовцев и латышей¹¹. В последнее время Рожнецкий в своей статье о Перуне и Торе¹² высказал мнение о влиянии культа норвежского Тора на культ Перуна у русских, не отрицая славянское происхождение Перуна. Подобное мнение было высказано гораздо раньше Погодиным. Французский славист Леже не отрицает Перуна у русских, однако все-таки сомневается

в его существовании у западных и южных славян¹³. Ему неизвестен какой-либо исторический южнославянский текст, в котором встречалось бы имя Перуна. Сомнение Леже подкреплено было одним письмом профессора Шишманова, который заявил, что нигде в болгарском фольклоре ему не встречалось имя Перуна.

При этих сомнениях с одной стороны, успевших уже отразиться и в популярных сочинениях по славянской мифологии¹⁴, при упорных утверждениях¹⁵, с другой стороны, о существовании общеславянского культа Перуна, вопрос о Перуне пока остается еще открытым. Мы не будем заниматься этим вопросом в его общеславянской цельности, а лишь только рассмотрим культ Перуна у южных славян, откуда и постараемся вывести неизвестные до сих пор показания.

2. Этимология имени Перун

О происхождении и этимологическом образовании слова Перун мнения ученых еще не сходятся. Некоторые находят в нем индоевропейский корень *perk*, *spark*¹⁶. Другие предполагают, что это старогерманская форма **Perkunos*, **Ferhunaz*, **Ferkunaz* со значением высокий¹⁷; третьи сближают его с ведическим *Parjanya*, со скандинавским *Fiorgyn*, с латинским *quecus*, со старонемецким *forha*, с литовским *Perkunas*¹⁸. Кажется, что в данном случае очень многое принесет нам кельтское название теперешней германской Черной Горы с восточными ее хребтами. Эти горы у Аристотеля известны под именем "Αρχυνια ορη"¹⁹, у Аполлония Родосского "Σχοπελοζ Επχυνιοζ"²⁰, у Цезаря "Sylva Hercynia"²¹. Таким образом выходит, что кельты называли ее Аркунией, Еркунией, что и соответствует слову Паркуния или Перкуния, так как одна из главнейших особенностей кельтского языка это выбрасывание заглавного индо-европейского "P"²². Позже, в 9 веке н.э., поселившиеся там германцы, по свойствам своего языка, заменяя индо-европейское "P" на "F", произносили имя этой горы *Fergunna*²³. Следовательно, отсюда становится очевидным, что это *Fergunna*, как и норвежское *Fiorgyn*, ведут свое начало от другого более старого общего слова, начинающегося на "P", каковым это слово встречается у славяно-литовцев и в языке Риг-Веды, или так сказать славяно-литовское слово на "P" как и кельтское с отпавшим "P" старее, и при том индо-европейское, а германское слово на "F" выходит новее, позднее посвоему образованию.

Корень "пер" в смысле "удар" очень распространен, и при том с определенным значением в старом и во всех новых славянских языках, а таким же точно является деятельный суффикс "-ун", так что Никаким образом нельзя и говорить в данном случае о каком бы то ни было влиянии литовского языка, например, на южнославянские. Сторо-болгарское "пера" - "наношу удары, колочу, порю" - твердится во всех славянских наречиях. Очень интересно употребление глагола "пера, перем" в новоболгарских наречиях со значением "сильно бью, наношу удары". Крестьянин, погоняя своих волов, чтобы быстрее двигались, обращается к ним со словами: "искаш да те перем, та не врвиш!". "Дждет пере ли пере", - говорят повсюду в Болгарии во время ливня. "Напра'а го убаво", - говорят о сильно битом человеке. "Ако те пернем еднаш", - так обращаются иногда к провинившимся. Таким же точно является деятельный суффикс "-ун", входящий в состав слова Перун. У русских, например, очень обыкновенны следующие образования: бегун, прыгун, скакун, топтун (тяжело ходящий)²⁴, кликун, пискун, ползун, плакун²⁵ и т.п. Забелин указывает и на имя Ярун²⁶. Во Владимирской губернии существовало поверье о летуне - существе, которое являлось вдовам в образе их умерших мужей²⁷. У чехов существует *behoup*, *krıkloun* и т.п. Южнославянские наречия особенно изобильны образованиями на "-ун", причем не только в нарицательных, но и в собственных именах.

То, что старым южным славянам не были чужды имена на "-ун", видно из того, что еще в 6 веке н.э. славянин Сварун (Σουαρουναζ, σκληροζ ανηρ) был воеводой у Юстиниана и отличился в персидской войне в 555 года²⁸. Если допустить, что и в задунайском староболгарском княжестве была и славянская примесь, тогда имя Куртова наследника - Гостун²⁹, с начала 7 века н.э., точно так же обращает на себя внимание как славянское, тем более, что и теперь существует чисто-болгарское (славянское) село Гостун в окрестностях Неврокопа³⁰. В 8 веке н.э. встречается личное имя Славун (Σκληρουνοζ), князь славянского племени севера³¹, - имя одного из семи племен, подчиненных Аспарухом, - плененный тайными агентами Копронима и после, вероятно, погибший от смертной казни³². В 14 веке н.э. упоминается о городе Добруне в Македонии, взятом Стефаном Дечанским после Велбуждского поражения³³. В южнославянских памятниках 15-17 вв., изданных в "Гласнике" 42, встречаются имена, образованные суффиксом "-ун". Примером могут служить некоторые из них: Перуника, Бегуна, Добрунь, Милунь, Милуна, Радунь, Радуна, Тихунь и другие. Современные южно-

славянские наречия точно также обильны подобными примерами: благуна іабълка в Дибре, Бегуновци - село в Трнском уезде, Бегунци - село на болгарской Мораве, Медун - село вблизи Подгорицы, калвун - (клюв) в окрестностях Сыстова, медун - медведь-самец в окрестностях Тетевена, в Габрове, пискун, горун (*quercus pedunculata*), в Елене, сладун (*quercus conferrata*) в Елене, благун (*quercus conferrata*) в окрестностях Лома, и т. д.; имена лиц у болгар: Петруна, Радуна, Галуна, Перун, Парун, Перуна, Спасуна и т. д. Маретичь приводит около 40 личных имен на "-ун" у сербо-хорватов³⁴.

Следовательно, обширное употребление составных частей имени Перуна как и самого этого имени у некоторых славянских народов, особенно же у южных славян, где влияние литовцев и норвежцев, после расселения славян, стало невозможным, свидетельствует о существовании этой самой формы Перуна в общеславянской эпохе. О происхождении и форме этого имени раньше той эпохи можно только предполагать. Связь имени Перуна с одним предполагаемым индоевропейским **parǵ*, с ведическим *Pardjanya*, с кельтским (P)*erkunia*, с норвежским *Fiorgyn*, с литовским *Perkunas* (*Parkones*)³⁵ очень вероятна. Предполагаемое **Parǵ-un-ia* в некоторых языках было сохранено с коренным гортанным звуком, а в славянском имя это отодвинулось в другом направлении с очень употребляемым корнем "пер" без гортанного звука. И польское слово *Piorun* указывает на то, что имя это развилось на чисто местной славянской почве, где "е" перешло в "іо", это видно в глаголах "пер*" - "pіoge", "бер*" - "bіoge". Чужие слова, остающиеся без значения для заимствовавших, звучат как и в чужом языке. Если бы у славян и поляков не существовало слово Перун и он решил позаимствовать непонятное им литовское слово, они бы произносили это слово "Перкуном", а не "Піоруном".

Ясная славянская этимология слова Перун уже указывает нам, каким был главный мифический атрибут этого славянского божества, или, лучше сказать, какое из природных явлений именуется этим словом. Перевод же этого имени другим, более ясным южнославянским словом, будет "бияч", "удряч", "гръмовник". За отсутствием каких бы то ни было исторических текстов, в которых было бы указано на другой атрибут Перуна, мы не в состоянии с достоверностью сказать, что древнеславянский Перун был, например, кроме громовника, и дождевником. Действительно, южнославянский фольклор отдает эти два атрибута св.Илье, заменившему позже Перуна, однако с полным правом можно утверждать, что они ничто иное, как новейшее наслоение. Впрочем соименник Перуна, "*Pardjanya*", в Риг-Веде дарит миру благодетельные дожди, спасительные воды которых орошают увядшие растения. Сам *Parjanya* олицетворяет тучи. Теленок его - дождь, а рев - гром³⁶.

3. Исторические, географические, фольклорные и другие свидетельства

Прежде всего вспомним бегло о главнейших свидетельствах о Перуне у русских и западных славян. Прямым доказательством почитания богом Перуна на Руси во времена язычества служит летопись Нестора, договоры между русскими и Византией в 907, 945, 971 годах, Новгородская летопись, Галицкий текст с 1302 года³⁷. Среди письменных источников чехословацкой старины до сих пор не открыт еще какой-либо текст с упоминанием Перуна. Некоторые мифологи довольствуются лишь указанием на две словацкие песни, записанные восторженным славянофилом Колором³⁸. В этих песнях упоминается о *Buoh 'e Parom 'e*. В словаре словацкого языка встречается и глагол "*peruntati*", трещать, с прилагательным "*perunsky*", а также есть несколько заклинаний с именем *Parom*, *Peron* (*Parom do tebe*, *Peronova strela t'a zabila*)³⁹. Польским королем Владимиром запрещен был народный обычай поддерживать вечный огонь Перуна (*Pioruna*)⁴⁰, имя которого и сейчас у поляков используется повсеместно в смысле "грома". Здесь также можно встретить местные имена, посвященные Перуну⁴¹. То, что и прибалтийские славяне именовали бога-громника тем-же самым именем, видно из названий *perendan*, вполне соответствующее немецкому *Donnerstag*. Примечательно, что у черногорцев принято до сих пор по четвергам чтить громовника для защиты от градобития⁴². В данном случае неуместно было бы искать здесь северные влияния (*Donnerstag*). Итальянское влияние тут еще можно допустить (четверг = день Юпитера = *Iovis dies* = *giovedi*), однако остается неизвестным, существовало ли у латинян подобное поверие (как у черногорцев) или же этот случай ничто иное как чисто славянский праздник, и, следовательно, здесь ни слова не может быть о заимствовании. Известные до сих пор исторические сообщения о *Proven 'e*⁴³, в честь которого посвящали дубы, и о *Progenutius 'e*⁴⁴ на острове Рюгене приводятся нами с оговоркой. Другие имена у западных славян насчитывает Крек⁴⁵.

Свидетельство Прокопия в 6-м веке о культе громовника у южных славян является вполне классическим и неоспоримым: "Славяне признают одного только властителя этой вселенной, одного

бога, творца молнии. Ему они приносят в жертву волов и других животных"⁴⁶. В тесной связи с этим свидетельством о жертвоприношении волов богу громовнику находится, по всей вероятности, доселе сохранившийся у южных славян обычай на день св.Ильи убивать быков, телят, и мясо их раздавать всем поселянам. Так, "в окрестностях Велеса (Македония) на день св. Ильи от имени целого села приносится общая жертва. Все поселяне сходятся на определенном месте, так называемом оброчище. Тут именно убивается вол, и мясо его заваривается в общем котле. После этого приготовленное мясо распределяется по частям всем семьям, готовящим каждая для себя особый обеденный стол. Жертва считается действительной после исполнения некоторых обрядов и чтения особых молитв сельским священником. Подобные празднества с жертвоприношениями устраиваются очень часто во многих местах в Македонии"⁴⁷. Этот обычай существует также в освобожденной части Македонии, в окрестностях Кюстендила⁴⁸. Ворачек описывает подробно этот обычай у родопских болгар в Пловдивском (Филиппопольском) селе Ярлове, где приносят в жертву овец на высоком холме, поросшем дубами, называемом св. Илия⁴⁹.

В житии святого Димитрия Солунского находим интересное сведение о боге Пирине. В 676 году, при осаде Солуна славянами, воевода их Хацон спросил посвоему обычаю у оракула, удастся ли ему войти в город⁵⁰. Перином сказано ему было в ответ (как это стоит в болгарском издании жития), что войдет⁵¹. Однако до появления в печати критического издания рукописей этого жития, мы должны воздержаться от всяких заключений, ссылаясь только на прибавку "εχ του Πυρηνοζ" (sic!). Раз это утверждено, тогда уже все, чего недостает у Прокопия, именно имя громовника, будет дополнено.

В одном из староболгарских переводов Александрии, сохраненной в русской переписи, еллинский громовержец Зевс, отец Александра Великого, поименован славянским Перуном: "сынъ божий, Пероуна велика, царь Александр"⁵²; "υιοζ Θεου Διοζ του μεγάλου, Αλεξανδροζ".

Еще одним свидетельством о культе Перуна у болгар служит недавно опубликованная профессором В. Н. Златарским история болгар иеросхимонаха Спиридона. Отец Спиридон несознательно является в этом произведении первым болгарским фольклористом. Он упоминает, что в 18-м веке, когда он жил в Болгарии, почитали еще Перуна и чествовали его во время бездождия: "И сего Перуна болгары почитаютъ: ко время бездождия, собираются юноши и девицы и избирають единаго, или от девиц или юношах, о облачают его въ мрежу, аки въ багряницу, и сплетуть ему венець от бурянов образ краля Перуна, иходят по домахъ, играюще и спевающе часто поминающе беса того, и поливають водами и Перуна того, и сами себе; людіе же безумніи дають имъ милостыню"⁵³. Заметка эта отца Спиридона очень важна еще потому, что с открытием ее теперь легко можно разрешить невыясненный до сих пор вопрос балканского фольклора - значение и происхождение слова "πυρπηρουνα", пеперуда, paraluga и пр. при одноименном обычае. Впрочем, об этом скажем подробнее в отдельной статье. Что отец Спиридон под именем Перуна понимает не только самого бога дождевника, но и громовержца, видно из объяснения слова самим о. Спиридоном: "молній или Перунъ"⁵⁴.

В рукописи "Сокровище детем"⁵⁵, писанной в западной Болгарии в конце 18-го или в начале 19-го веков и хранящейся в Софийской Народной Библиотеке под N-191, сказано: "царь ерасмій, които веше мучитель людемъ своим пораженъ (сокрушенъ) бысть оу ложницата си молнією (перуномъ)", лист 14а.

Василий Априлов, самый добросовестный из болгарских писателей эпохи духовного возрождения болгар, утверждает свидетельство о. Спиридона, заявляя, что "нынешние болгары в своих народных песнях славят Перуна, Коляду, Ладу и Леля"⁵⁶. Априлов свидетельствует только о том, что знает, не придерживаясь того направления эпохи, бесцеремонно насчитывавшей целый сонм фантастических слов, как имен славянских божеств. И в самом деле, упомянутые Априловым имена живы и доселе в болгарском фольклоре - некоторые в самих личных именах, другие же в песнях.

До сих пор изданы были две болгарские песни с именем Перуна. Однако же песня, записанная Раковским⁵⁷, принята была некоторыми учеными как мистификация ввиду чересчур патриотической окраски всех литературных трудов автора "Горского Путника". Вот эта песня:

Пипируда злата
Пред Перуна лета,

Лета и пролета
 По поли ся мета
 И Богу ся моли:
 Дай Боже дъждец!
 Да израстут нивы
 Нивы и Ливады!
 Бары, бары води!
 Блата, блата вина!
 Всякы клас и тъгар!
 Всяко гребло тягло!
 От коряна кошница
 По всяку лозицу!

Мы справились у знакомых нам лиц в окрестностях города Котла, где мог Раковский записать эту песню, и действительно мы получили текст, записанный в селе Жеравне учителем Ранковым; однако в нем не видно имени Перуна, как и последних стихов Раковского. Вот эта песня:

Пипируду лиата,
 Лиата и прулиата
 И се Богу моли:
 "Даи, Боже, даи, даи
 Ситен, дребен дъждец,
 Да пуникни житу,
 Житу чърнукласу,
 И кичьсту прусо.

При этом, ознакомившись с новогреческими "пирпирунами", мы заметили, что некоторые стихи песни Раковского вполне соответствуют подобным новогреческим. Это убеждает нас, что Раковский по этим именно образцам смастерил некоторые из последних стихов, позабытых автором, вечно странствовавшим из Константинополя в Афины, Париж, Белград, Бухарест и т. д. Одна из греческих песен у "Marcellus"⁵⁸ несомненно послужила здесь основанием Раковскому, болгарский язык которого в данном случае ничто иное, как буквальный перевод греческого. Примером может послужить сличение нижеследующих стихов:

Κυριε, βρεξε μια βροχη
 Μπαραιζ, μπαραιζ та νερα
 Λιμναιζ, λιμναιζ та χρασια
 Κατε χουτσουρο χαλαθ
 Κατε σταχη και ταγαρ

Дай Боже дъждец!
 Бары, бары води!
 Блата, блата вина!
 (От коряна кошница)
 Всякы клас и тъгар!

Другая болгарская народная песня с именем Перуна издана была в "Цареградском вестнике", 1859, N-439, с заглавием "Женитьба Ива из Меглена". В этой песне действительно попадаются обороты, присущие болгарской народной поэзии, однако из всего остального видно, что это произведение ничто иное, как подделанный текст. Прежде всего язык самой песни искусствен, и никоим образом нельзя принять его за какой-либо из болгарских говоров. Вот стихи, содержащие имя Перуна:

Глас невидим от воздуха выка:
 Чуετε ли Царе Шишманине!
 Те поздравя Милка самодива,
 От Перуна Неда Самохотка.
 Та пущайте мачкы от корабы
 Нека стоят корабы во море.

Песня эта как раз пришлась по вкусу Раковского; он перепечатал несколько куплетов из нее и с жаром стал рекомендовать их, дивясь ее старинности, что будто бы это произведение относилось к эпохе до создания Зевсом греческого Олимпа⁵⁹.

Имя Перуна вполне сохранено в именах лиц и топографических названиях у всех южных славян. Как христианство ни препятствовало сохранению личных имен, находящихся в связи с языческой древностью⁶⁰, все-таки имя Перуна все же сохранилось доселе. В Трнском уезде хорошо сохранено мужское имя "Перун", как и женское "Перуна" с его ласкательными: "Перунка, Перуника"⁶¹. В Радомирском селе Витановци, в окрестных селах Ихтимана и в Софийских селах (Подгумер, Славовци, Малешевци) попадает женское имя "Перуна". В Македонии встречается женское имя "Перуница"⁶². В Нейкове, селе Котленского уезда и теперь еще в ходу мужское имя "Парун", а в Градеце, Жеравне, и в самом городе Котле известно и женское имя "Паруна". Оно известно и в Самоковском селе Ковачевци (сравним со словацким "Paom, Paun"). В Чачанском селе Слатина (Сербия) еще живет семейство "Перунчић" - имя известное уже 200 лет тому назад⁶³. По достоверным имеющимся у нас сведениям, имя Перуна теперь уже вышло из употребления у сербо-хорватов⁶⁴, хотя еще совсем недавно часто употреблялось личное имя Перунко⁶⁵. По свидетельству профессора-словинца Крека мужское имя "Перун" и сейчас существует у словинцев⁶⁶. Женское личное имя "Перуника, Перунига, Перуница (Пера)" встречается и в народных песнях сербов и болгар:

"Ој девојко, бела Перунико!"⁶⁷

или

"Перуниче, девојче!
Не стой, Перо, на брего!"

или

"Перуниго, гъздава девојко!
Тихом-пееш, далеко се слуше"⁶⁸.

или

"Перуника въздъи вика:
"Перунико, мала моме,
Ела, моме, обери ме,
Обери ме, забоди ме" и пр.

(Рукопись).

Кажется, бесполезно будет доказывать, что имя Перуника (Перун) никак не образовалось от имени св. Вероники, как предполагалось. В одном апокрифе даже указывается, что когда-то это имя выговаривалось у славян "Верника"⁶⁹. Позднее католики хорваты выбросили слово Перуника, заменив его церковным именем Veronika⁷⁰.

Имя Перуна, как было сказано, сохранилось доселе во многих топографических названиях. У словенцев существует "Перуня весь" и "Перуны врхь"⁷¹. На восточной части Истрийского полуострова возвышается гора "Перун", вышиною 881 метров. Одна из горных вершин между Сутеской и Варешем (в Боснии) именуется "Перуном". Доктор Алаупович из Сараева оказал нам свою любезность проверкой этого факта. У хорват существует "Перуна-Дубрава"⁷², в Далмации - гора "Перун" возле самого села Дубрава⁷³. На расстоянии 5 км. от Крагуевца (Сербия) находится село "Перуновац"⁷⁴. В Княжевацком округе существует горная вершина "Перинатица"⁷⁵. В Куршумлийском уезде есть село "Перуника"⁷⁶. Автор описания Татар-Пазарджикской каазы (Фракия), Стефан Захариев, мимоходом упоминает об одной "Перуновой горе"⁷⁷ южнее города Пещеры. Иречек упоминает о той же самой горе с именем "Перин"⁷⁸. Проверив это, мы обнаружили, что и сейчас эта гора носит имя "Перин". Местность, находящаяся вблизи Германа и Осича, в Кумановской каазе, в северной Македонии, известна под именем "Перин"⁷⁹. Опять этим же самым именем называются высокие Македонские горы "Перин", как и носящее их имя село, находящееся у

подножия этих гор. Миклошич⁸⁰ производит это название от имени Перуна. Вывод этот утверждается существованием подобных соотношений у других более удаленных славян. Так, например, нынешний скит "Перын", находящийся на левом берегу реки Волхова, воздвигнут на том самом месте, где когда-то было капище "Перуна"⁸¹. Точно таким же является и "Перинград"⁸² вблизи Столаца (Герцеговина). В Албанию, к юго-востоку от Берата, есть село "Периняси"⁸³. Шеппинг упоминает об одном географическом имени в Валахии - "Перкуниста"⁸⁴. В старину Белоцкая община (Румыния) называлась "Перени"⁸⁵. Название болгарского городка "Перушица", встречающееся еще в 13 веке⁸⁶, напоминает о Новгородском Перушице, - когда, по летописи, сам идол Перуна был выброшен в Волхове ("ты, рече, Перушице, досити еси пил и ел, а ныне плови уже проче").

Наконец, имя Перун встречается и как название цветкового растения "Iris Germanica" - "Перуника" во всех южнославянских странах⁸⁷. О том, что славяне любили посвящать богу-громнику некоторые из цветковых и других растений⁸⁸, свидетельствуют следующие названия у русских: "гром" (*Onosma tinctoria*) в Екатеринославской губернии, "громовой корень" (*Asporagus officinalis*), "громдола" (*Valeriana officinalis*), "громник" (*Geranium sanguineum*) в Киевской губернии, "громовик" (*Echium vulgare*) в Екатеринославской губернии и пр.⁸⁹. Вполне подходящий пример находим у латышей, у которых полевая горчица прямо именуется "Перуновым цветком" - "Pehmcones". Русские тоже называют именем Перуна некоторые из цветковых растений⁹⁰.

Посвящение ириса в честь Перуна южными славянами находится в близкой связи с Дубровницким названием того же самого растения - "богиша", то есть "божий цветок". Примечательно поверье в окрестностях Кюстендила и в городе Пещеры, что непроцветание этого растения (перуники) считается предвестником смерти в той семье, в саду которой находится это растение. Удивительным является совпадение между южно-славянским поверьем о растении перуника и назначении эллинской богини Ирис (*Iris* = небесная радуга = растение перуника) исполнять приговор божеств резать - фатальный волос женщинам, приговоренным богами к смерти⁹¹. Близость этого соотношения заставила нас невольно подумать, что при ранее существовавшем у них культе громовника и дожденосца, южные славяне вероятно восприняли из греко-римских мифологических представлений ту связь, которая открывается нам между названием Перун - перуника и именем радуги Ирис, богини Ирис и цветка ирис.

Имя "папаруна", которым именуется мак в Горной-Ореховице (Трновский округ), нельзя никоим образом связывать с именем Перуна: это имя есть славянизированное латинское имя растения "papaver somniferum".

Распространение имени Перуна у русских многими учеными объясняется упоминанием его в Несторовой летописи, при переписывании которой имя это якобы перешло в книги, а потом уже и в предания. Подобное объяснение никоим образом нельзя применить к южнославянским землям и наречиям, где о каком-либо влиянии литовцев или же Несторовой летописи едва ли можно говорить; большинство же личных, географических и др. подобных названий, начиная с Истрии до Белого и Черного морей, нельзя объяснить другим путем, как тем, что они являются свидетельствами, уцелевшими со времен языческого культа Перуна у южных славян. Число подобных свидетельств значительно увеличилось бы, если бы христианство путем разных соборов, гонений, проповедей и писаний не уничтожило постепенно языческие традиции, или же не перемешало и переименовало их. Перемешало и переименовало - потому, что едва ли найдется древне-языческое славянское поверье, живущее еще, не носящее на себе отпечаток христианской традиции, каков например случай с боготворением, заместника Перуна, св. Ильи.

4. Святой Илья и Огненная Мария

Культ святого Ильи у южных славян по большей части заимствован из христианских легенд. Хотя он до сих пор еще охватывает как страны Малой Азии, так и страны Западной Европы, куда влияние славянских мифических представлений никогда не доходило, однако на Балканском полуострове все-таки прослеживаются черты славянского предания в позднейших наслоениях из христианской эпохи. Как новогреческий образ св. Ильи содержит в себе древние мифические обломки, скрепленные между собой в одно целое цементом христианства, таким же образом христианство передало свою

новейшую форму древнему образу славянской традиции. Южный славянин, при ежедневном исполнении своих религиозных обрядов в родном очаге или в поле, является в действительности более язычником, чем христианином.

То, что действительно славянский культ Перуна еще не забыт и что он мог отразиться на св.Илье в христианскую эпоху, к этому приводит нас психологический религиозный момент, наступивший у греков, немцев и у некоторых азиатских народов, у которых громовержцем является уже не Зевс, Тор или др. какое-либо божество, а сам Илья. На высотах Егинских гор в Элладе царил культ Зевса дожденосца. Теперь же это самое место называется св.Илием ("Αλλιοζ Ηλιος")⁹². Греческий ученый Политис в своем труде "Солнце в народных поверьях" (1882) приходит к заключению, что культ св.Ильи заменил у новых греков культ Зевса и Гелиоса (солнца)⁹³. В средние века громовник в старонемецких поверьях заменяется св.Ильей, который, как и Тор борется с врагом своим - Змеем (тут антихрист,⁹⁴). Очень интересен факт, что на Кавказе у абхазцев Шибле - бог грома, которому молятся от бездождия, и что черкесы отождествляют того же самого Шибле с Ялием (Илия)⁹⁵.

Семитская и христианская легенды об Илье, с атрибутами дожденосца и защитника урожая, совсем перемешаны со славянскими представлениями о Перуне, тем более, что церковь, при имеющихся на руках нескольких типических текстах из св.Писания Старого и Нового завета, влияла на верующих даже и в училищах. Вот главнейшие места, способствовавшие обширному распространению культа св.Ильи. "И Илья Фесвиец, который был из Галаадских стран, сказал Ахаву: жив Господь Бог Израилев, перед которым я предстаю, на этих годах не будет росы, дождя без моего слова" (III кн. Цар, 17, 1). После этого настали засухи с голодом в земле Ахава, согрешившего перед Богом. Спустя три года Илья является перед Ахавом и наказывает пророков Ваала. Молитвой Ильи "ниспослан был богом огонь, поглотивший всеожжением деревьев, камней, почву, осушил воду, находившуюся в борозде" (III кн. Цар, 18, 38). "А между тем небо помрачилось от туч и ветров, и ниспослан был обильный дождь" (III кн. Цар, 18, 45). "И когда бог хотел возвести Илью на небеса вихрем, Илья вместе с Елисеем отправился из Галгалы" (IV кн. Цар, 2, 1). "И, шедши они говорили, и вот огненная колесница и огненные кони ... и взыде Илия с вихрем на небо" (IV кн. Цар, 2, 11). В Новом Завете повторяются воспоминания об Илье, во времена которого "заклучися небо три лета и месяц шесть, яко бысть глад велик по всей земли" (Лука, 4, 25). "Илья был человек подобострастный нам; с усердием помолился он, чтобы не было дождя, и не было дождя на земле три года и шесть месяцев; когда же снова помолился, дождь был ниспослан небом, а земля произвела свои плоды" (Послание Якова, 5, 17-18). На празднике св.Ильи (Ильин день) при богослужении исполнялся нижеследующий кондак, укреплявший в людях поверье, что Илья дожденосец: "Пророче и покидче великих дел Бога нашего, Илие великоимениче, вещанием твоим уставивый водоточные облаки, моли о нас единого Человеколюбца". Таким же точно является Илья в народных песнях:

И дойде свети Илия,
 Си скоа кола огнена,
 Си прегна коньи четири,
 Четири коньи крилати,
 Та си отиде на небо

или

А що беше стар свети Илия!
 Помоли се на наш Христос,
 Та му даде ключове от небеса,
 Си заключи могли и облаци.
 Три години дожь не заворна,
 Три години ветер не подухнал,
 Не се роди ни вино ни жито⁹⁶.

Можно подумать, что эти стихи ничто иное, как пересказ уже цитированных текстов - до такой степени народные поверья сходятся с семитскими и христианскими! Даже глагол "заклучать" (замыкать) от "заклучися небо три лета" и прочее встречается чаще в этих молитвах вместо обыкновенного в данном случае глагола "затварям" (запирать, затворять). Замечательно, однако обстоятельство, что христианский и библейский св.Илья только "дожденосец", тогда как в народных

поверьях св.Ильи именуется также и "громовником". Так, при дележе небесных и земных стихий св.Илье было дано:

Свет Илија грома небесного⁹⁷

или:

А Илија мунье и громове⁹⁸

или:

Илиј даше мунье и громове⁹⁹

или:

Свет Илија - сильни секавици¹⁰⁰

или:

Дел се падна на свети Илия,
Дел се падна громове, трескове¹⁰¹

или:

Що ся падна на свети Илия?
Паднаха му летни-те облаци
И летни-те громотявици
Ка си узе сам свети Илия
Могли, облаци, громотевици,
Ги затвори во Черно-то море¹⁰²

или:

Падна му се летни громотеви,
Падна му се летни трескавици,
Да си лети по тени облаци¹⁰³.

В Царевбродском уезде и в окрестностях Пирота провинившихся иногда проклинают: "Ега те св.Илия еже грамлавицу смаже!"¹⁰⁴. В Зайчаре празднуют и чествуют св.Илью "как бога громовержца". Если бы св.Илья знал день своего праздника, опожарил бы весь мир. Сезон, накануне его именин, изобилует громом по небу. Вероятно, вследствие этого ему и приносят в жертву лучшего из петухов¹⁰⁵. В Ахы-Челеби (Фракия) существует поверье, что гром является от усиленной беготни коней и колесницы св.Ильи по небу, а молнии вылетают из-под подков коней¹⁰⁶. В окрестностях города Трояна (Болгария) существует поверье, что св.Илья в гнев своем катает по небу бочки, полные камней, вследствие чего в воздухе гремит¹⁰⁷. В Битольских окрестностях верят, что гром происходит от усиленного движения колесницы св.Ильи в облаках. Молнии же образуются из огненной его колесницы, поддерживаемой змеями¹⁰⁸, и т. д. Подобное поверье у южнорусских болгар Таврической губернии. "Когда гремит гром, то это означает, что св.Илья разъезжает на колеснице по небу и преследует дьявола, чтобы убить его"¹⁰⁹. У сербов тоже распространено это поверье, что гром образуется от движения колесницы св.Ильи¹¹⁰. Из этих народных поверий следует, что главнейшие атрибуты св.Ильи - это гром и молния.

Однако, как мы заметили, подобные атрибуты не приписываются этому святому в библейских легендах, где он является носителем дождя. Этому обстоятельству в большей мере способствовали, с одной стороны, общеевропейские и, следовательно, славянские представления о громовержце-дожденосце, а с другой - апокрифная литература. В апокрифах, в самом деле, не св.Илья, а другие уже святые являются громовержцами. В апокрифической рукописи 16-го века гром является оружием ангела, преследующего сатану, молния же - одежды св. Нафанаила¹¹¹. В другом апокрифе сказано:

архистратиг Михаил "помолися к богу, и бысть гром и молния"¹¹². В другом противником антихриста являются Илья, Еноха и Иоанн, названный "сыном грома" (τον υιον της βροντης Ιωαννην)¹¹³. В первоначальной эпохе христианства вместе с апокрифом "Малым бытием" распространилось поверье, что господь создал несколько ангелов для разных стихий. Эти поверья позже были распространены и у южных славян посредством сочинений Епифания Кипрского и Козьмы Индикоплова. Так, там сказано, что созданы были "агли облакоу, ... агли гласомъ и молніамъ"¹¹⁴. Даже в одном сборнике 16-го века под названием "Слово св. Григория Богослова и Василия Кесарийского, И. Златоуста, вопрос и ответ", вместе с ангелами грома именуется Перун: "Два ангела громныя есть, и елеоньский старецъ Пероунъ есть, а Хоръ есть жидовин"¹¹⁵. Подобные поверья, что небесные стихии разделены между ангелами, или что ангелами производится дождь, живут даже теперь у южных славян:

"Благо делят четири ангели,
Благо делят више на небеси" и пр.¹¹⁶.

Несколько дней накануне именин св. Ильи, а также и несколько дней после этого дня южными славянами празднуются от грома; такими считаются: "горешляци", 3 дня - 15, 16, 17 июля; "Огнена Мария" - 17 июля; "Ильин день" - 20 июля; "Св. Пантелей" - 27 июля.

В народных песнях и преданиях сестра Ильи, "Огненная Мария", очень часто представляется с атрибутами своего брата. При дележе неба взяли:

"Свет Илија грома небесного,
А Марија мунью и стријелу"¹¹⁷.

Когда на земле настала смута, и люди были грешные, св. Мария выпрашивает у своего брата бумагу с неба о приостановлении дождя, чтобы вымерло все живущее¹¹⁸.

Приписыванию атрибутов грома св. Илье во многом способствовали его культ в библии как дожденосца, отрывочные роли других святых громовников: Михаила, Иоанна, Георгия¹¹⁹ - и, наконец, то обширное участие, которое Илья принимает в борьбе против антихриста в сказаниях о кончине мира, сказаниях, находящихся в близкой связи с индоевропейским поверьем о борьбе между змеем и громом.

С языческой эпохи славянства ведет свое начало у южных славян поверье, что громовые стрелы - белые каменные угловатые плиточки, находимые иногда в почве, где ударено было громом. Словаки называют их "Рагомова стрела", русские - "Перун-камень" и "Громовая стрела"¹²⁰. Обычай жертвоприношения св. Илье опять приводит к свидетельствам Прокопия о жертвоприношениях, деланных в честь громовника у южных славян.

Посвящение дуба Зевсу Додонскому, Тору германскому, Перкуну у литовцев¹²¹, Перуну у русских¹²², находится в тесной связи с южнославянским почтением и обычным воздвижением культа Ильи на возвышенных дубравах на холмах. В житии преподобного Феодосия в 14-м веке упомянуто, что вблизи самого Трнова люди поклонялись "дубу некоему"¹²³. Вероятно, подобными дубами-жертвенниками были и те же деревья во Фракии, о которых упомянуто графом Марсильи, дубы, которые доселе еще виднеются по сторонам Филиппопольско-Одринской дороги. На Балканском полуострове во многих местах большинство уединенных холмов называется именем Ильи (некоторые - Перун, Перин). У русских идолище Перуна находилось на возвышенном холме. Греческий ученый Политис связывает культ Гелиоса и Зевса громовержца по высотам с культом их заместителя, св. Ильи с христианской эпохи¹²⁴. Академик Веселовский находит, что связь эта не существует, однако старинный культ Перуна у южных славян, как и теперешний культ св. Ильи на южнославянских холмах и в дубравах, по крайней мере подтверждается и стоит в известной связи со вторым пунктом из взглядов Политиса. Так, вблизи пещеры, как мы упомянули, возвышается холм Перин. Вблизи села Варвары, в окрестностях Татар-Пазарджика, на холмике, поросшем дубами, теперь возвышается маленькая церковь, посвященная имени сестры Ильи - Огненной Марии¹²⁵. В Родопах, один из холмов, тоже поросший дубами, где находится маленькая церковь, и теперь еще называется Ильиным верхом¹²⁶. Поселяне с. Ярлова, в окрестностях Филиппополя, убивают свою жертву в честь Ильина дня на одном из холмов, поросшем дубами¹²⁷. У Созополя, на Черном море, параклис св. Ильи возвышается на конусовидном холме, а ближе к нему находится церковь

св. Марины, которой поселяне молятся во время праздников "Горешляци", чтобы не обгорали их посеы¹²⁸. В одном сербском памятнике встречаем "грмочелу вѣше меѣа Илинно брьдо"¹²⁹.

5. Гром и змей. Книга Громник

Независимо от имени св. Ильи, в южнославянских поверьях обширно распространено зооморфическое представление о громе как борьбе между "змеем и халой"¹³⁰, или же между "громом и халой".

В окрестностях Кюстендила существует следующее поверье. Змей - охранитель урожая, а хала - его похититель. Змей, гонясь за халой, наносит ей удары; она же со своей стороны укрывается между деревьями или еще где-нибудь. Змей влюбляется в женщин и вступает в брачные связи; дети же их рождаются змеенышами: малютки-змееныши с маленькими крылышками под плечами. Женщины, заметив эту приметку у новорожденного малютки, собираются вместе, чтобы непременно в одну только ночь выткать полотно, скроить и сшить рубашку для этого малютки. В противном же случае малютка не вырастает змеем и, следовательно, село лишается покровителя, защитника посевов от похищения халой. Человек-змей является обыкновенно человеком, как и все люди, но всегда засыпает при наступлении бури: душа его отправляется сражаться с халой. В этом случае ни в коем случае нельзя будить его или же трогать для того, чтобы душа его по возвращении своем нашла тело в прежнем его положении, чтобы опять войти в него; в противном случае змей умирает¹³¹.

В окрестностях Битоли существует поверье, что змеи рождаются какими-то хвостатыми чудовищами и, когда окрыляются, взлетают ввысь. С небесных высот гром застреливает колдунью¹³². В Черногории верят, что гром гонится за колдуньей или сатаной, чтобы нанести им удары¹³³. Кроме того, у болгар существует поверье, что "смок" любит сосать у коров (или даже у женщин) молоко. Точно таким же является и русское предание, что змеи любят пить и сосать молоко¹³⁴. Интересно в данном случае поверье у русских, что на "Перинском ските" в Новгороде жил "змей Перюн", который проводил ночи у Волховской пастушки¹³⁵ - (очевидно зооморфизм водных стихий Ильмена с Волховом). Здесь опять является соотношение атмосферного божества (дожденосца или громовника), змея и Перуна (Перюна), с которого мы начали. Поверья эти не библейские, а являются первобытными славянскими, отчасти же и общечеловеческими¹³⁶. Громовник Индра в Риг-Веде поражает молнией змея Ахи; громовержец Тор сражается со змеей Мидгард, нанося удары своим "міолнером" (молния)¹³⁷. О поверии, что гром преследует дракона, упоминается Иоанном Дамаскиным в 8-м веке: "υπο βροντης διωχεται ο δρακων".

В близкой связи с нынешним культом громовержца у южных славян можно поставить и астрологические поверья о громе. О том, что знахарство не было чуждо древним южным славянам, свидетельствует Прокопий¹³⁸. Однако уцелевшие памятники из староболгарской и сербской астрологической литературы свидетельствуют несомненно о своем византийском происхождении. Академик В.Ягич¹³⁹ и исследователь апокрифов В.Н.Перетц¹⁴⁰ заключают, что славянские "громники" перешли к славянам от византийцев. Это становится очевидным даже после простого сличения текстов¹⁴¹. Интересна следующая заметка: "Громовникъ оугатаніа имуше, о звездочѣтїи изведени о Іраклїа царя"¹⁴², т.е. что книга - извлечение из астрологии византийского царя Ираклия¹⁴³. Часто употребляемые слова в "громовниках" - "египет, аравитянин"¹⁴⁴ и т.п. - свидетельствуют о более старинном восточном происхождении даже византийской знахарской литературы. Так в одном апокрифическом сказании указано, что греки научились астрологии у основателя ее Немврода, который "созда Вавилонъ градъ, и напрьвее ноказа ловы делти, и ельшвежа, и прьсомъ бы, старьи, научивъ и звездозаконию и звездословию и иным двизаніемъ отражающимъ, яко и что имъ хочеть быти"¹⁴⁵.

Южнославянские гадательные предания, будучи языческими, не вошли в христианскую славянскую литературу. Они или остались в забвении, или же смешались с преданиями апокрифной литературы так, что теперь едва ли можно отличить одни от других. Известно только то, что апокрифные предания взяли верх: они теперь составляют значительную часть простонародных поверий. Так, общераспространенные поверья у южных славян о небесных знаменьях и связи их с земной жизнью также находим в старинных "громовниках"¹⁴⁶. В одном "громовнике" об Апреле месяце написано: "Апри чи юнче. Аще въ число юнче погромить, пшеница по место гибель, р(ад)ож же въ цртвующи у двора, и бытъ, и на вьстоце метежъ и се дру"¹⁴⁷. Подобные же поверья и теперь существуют у болгар:

"Если гром грянет в январе, то это не хорошо - урожай будет ничтожный; если же первый гром будет в марте - урожай будет обильный"¹⁴⁸. Всеобщее южнославянское поверье, что если грянет на сам день св.Ильи - орехи и орешки будут полыми.

Однако нужно заметить, что астрологические простонародные предсказания у южных славян относятся почти исключительно к урожаю, засухе, морозу, граду или дождю. Здесь есть что-то славянское. В греческих предсказаниях заметны элементы, касающиеся человека и его жизни.

6. Заключение

I. Разные отрицания и сомнения о культе Перуна и его имени у южных славян произошли вследствие неизвестности существующих доселе свидетельств у южных славян об этом.

II. Этимология имени Перуна и теперь ясна для южнославянских языков, особенно для болгарского.

III. Свидетельство Прокопия о культе громовника у южных славян неоспоримо.

IV. Первенство, отдаваемое громовнику у южных славян и Перуну у русских, наводит на мысль, без каких-либо посторонних доказательств, что Перун у русских был настоящим громовником, и у южных славян, вероятно, громовник назывался тоже Перуном.

V. Свидетельство отца Спиридона категорично; свидетельство замены имени Зевса именем Перуна в известной Александрии, памятник южнославянского происхождения; свидетельство из рукописи "Сокровище детемь", а также и свидетельство Априлова.

VI. Обширное употребление личных, крестных имен: Перун, Перуна, Перунка, Перуница, Перуника, Парун, Паруна, как и фамильное Перуничич, встречающихся до сих пор у южных славян, нельзя объяснить простым заимствованием, а только тем, что они являются остатками от языческой эпохи.

VII. Точно такими же являются топографические названия: Перуня весь, Перуни врх в Хорутании, Перун - вершина на Истрийском полуострове, Перун в Боснии, Перун-Дубрава в Хорватии, Перуновац, Перуника, Перинатиц в Сербии, Перин върх в Болгарии, место Перин, Перин-планина и село Перин в Македонии, Перин-град в Герцеговине.

VIII. Латышское название цветкового растения Pehrkonēs, посвященное Перуну, наводит на мысль, что южнославянское слово "перуника" обозначает в действительности цветок Перуна, тем более, что-то же самое растение у Дубровничан называется Божьим цветком - "богиша".

IX. Как у многих народов от христианской эпохи языческое имя громовника заменено именем св.Ильи, кроме того под этим именем у южных славян нужно указать некоторые славянские элементы: жертвоприношение быков, культ по высотам в дубравах, культ громовержца и т.д.

X. Поверье о громовных стрелах и камнях ("божи камъне") с поверьем о существовании борьбы между громом (св.Ильи) и змеем, или же между змеем и халой, являются настолько же славянскими, насколько индоевропейскими.

XI. В апокрифах Громник, Молнияник ничего славянского нет.

СНОСКИ И ПРИМЕЧАНИЯ:

1. А.Н. Пыпин, История русской этнографии, I, СПб, 1890, стр. 73. Мифология Попова целиком вошла в сочинение Леклерка "Histoire de la Russie", а оттуда - в "Dictionnaire de la fable par Fr. Noel, Paris, 1803".

2. А.Н. Пыпин, История русской этнографии, I, СПб, 1890, стр. 73. Мифология Попова целиком вошла в сочинение Леклерка "Histoire de la Russie", а оттуда - в "Dictionnaire de la fable par Fr. Noel, Paris, 1803".

3. Сборник Импер. Ак. Наук, LXV, в статье о Кайсарове.

4. Сахаровъ, Сказания русскаго народа, I, Славяно-русская мифологія, Москва, 1836.

5. Deslongchamps, в своем "Essai sur les fables indiennes et sur leur introduction en Europe", Paris, 1838, является предтечей основателя миграционной школы Бенфея. (Срв. Созоновичъ, Задачи и способы изучения народной словесности; Варшава, 1887).
6. "Что мы знаем достоверного о личных божествах славян", Журнал М. Н. Пр., ч. 241, стр. 47-65.
7. Д. Шеппингъ, Мифы славянского язычества, М, 1849, стр. 117. 8. Журнал М. Н. Пр., ч. 230, стр. 145.
9. Archiv für slav. Phil. XIV, стр. 633.
10. J. Grimm, Deutsche Mythologie, I, стр. 143.
11. Д. Шеппингъ, Мифы славянского язычества, М., 1849, стр. 116-117.; тот же авторъ Фил. Зап. 1888, кн. VI, стр. 6.
12. St. Rozniecki, Perun und Thor, ein Beitrag zur Quellen-kritik der russischen Mythologie. Archiv f. sl. Ph. XXIII, стр. 462-520.
13. L. Leger, La Mythologie slave, Paris, 1901, стр. 54, 59, 63.
14. A. Lefevre, Germains et slaves, origines et croyances, Paris, 1903, стр. 220.
15. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2- Aufl. Graz, 1887, стр. 383 и далее.
16. A. Fick, Vergl. Wort. der Indogerm. Sprachen. Gottiugen, 1874, стр. 143.
17. O. Schrader, Reallexicon der Indogerm. Altertumskunde, Strassburg, 1901, стр. 295.
18. O. Schrader, Reallexicon der Indogerm. Altertumskunde, Strassburg, 1901, стр. 295.
19. Aristotelis, Meteorolog. lib. I, 13, 20.
20. O. Schrader, Reallexicon der Indogerm. Altertumskunde, Strassburg, 1901, стр. 295.
21. De bello Gallico, VI, 25.
22. Сообразно с этим, например, Pater у кельтов выговаривалось Athir, porcus - orc и проч. Срв: Brugmann, Grundriss I. Strassburg, 1886, стр. 271.
23. A. Lefevre, Les Gaulois, Paris, 1900, стр. 15, 16.
24. Р.Ф.В., 1903, кн. 1 и 2, стр. 44.
25. Иван Забелин, История русской жизни, М, 1879, II, стр.: 276,323; 511.
26. Иван Забелин, История русской жизни, М, 1879, II, стр.: 276,323; 511.
27. Живая Старина, 1901, III-IV,стр. 136.
28. Иречек, История Болгар, Одесса, 1878, стр. 100.
29. В.Н. Златарски, Студии по болгарската история, София, 1903, стр. 20, 23.
30. В. Кянчов, Македония, София, 1900, стр. 195.
31. Theophrastus Chronographia. Ed. C. de Boor, Lipsae, 1883, I, стр. 436.
32. В.Н. Златарски, Студии по болгарската история, София, 1903, стр. 20, 23.
33. Данило, Животи кральева и арх. сраских, Загреб, 1866, стр. 197.
34. Maretic, Narodna imena i prezimena u Hrvata i Srba (Rad, 82, стр. 128-129).
35. Veckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer), II. Heidelberg, 1883, стр. 255, указ.

36. Rig-Veda, V; 7, 1-2.
37. Machal, Nakres zlovanskeho bajeslovi, Praha, 1891, стр. 22-23. 38. Там же.
39. Slovansky Sbornik, V, стр. 26.
40. Там же, с. 27.
41. Jirecek въ С.С.М., 1863, стр. 154.
42. П.А. Ровинский, Черногория, II т. СПб, 1901, стр. 452-453. 43. Helmoldi, Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868, I, стр. 83.
44. Saxo Grammaticus, Gesta Danorum. Strassburg, 1886, I, стр. 578.
45. Krek, Einleitung..., 2- Aufl., стр. 385, 386.
46. Proc., De bello Gothico, III, 14.
47. Шапкарев, Сборник VII, София, 1891, стр.: 185; 172.
48. Любенов, Баба Ега, Търново, 1887, стр. 19.
49. Perunova slavnost' v Rhodopach (Slov. sbornik, V, стр. 77-79).
50. Tougard, De L'histoire profane. Paris, 1874, стр. 126.
51. В издании Тунара напечатано только "и сказано им было в ответ, что войдет". Однако, в одном извлечении П.Р.Славейкова из того же самого жития (Житие св. Димитрия Солунски, Цариградь, 1868) находим, что упомянутому воюводе отвечено было Пирином, стр. 41. Славейниковым не упомянуто, откуда сделано его болгарское извлечение; с другой стороны сам Тугар заявляет (стр. 13), что прочесть это житие в Парижской рукописи составляет громадное затруднение, как и исправить или сличить его с другими рукописями. Если действительно Славейниковым нам дана верная перепись имени, можно бы сказать, что "Πυρηνος" (gen.) соответствует одному Pygun, Poren, Perun (Krek, Einleitung, стр. 385).
52. В. Истрин, Александрия русских хронографов, М, 1893, стр. 114-115. Ягичь относит этот перевод в старо-болгарскую эпоху. Archiv f. sl. Ph. XVI, стр. 223.
53. Спиридон Иеромонах, История во кратце о болгарском народе славинском. Сочинися и списася в лето 1792, Изд. В.Н.Златарски, София, 1900, стр. 14 и 91... Замечательно подобное фольклористическое примечание в самой России о Перуне, находящееся в одной рукописи XIV в. в Петерб. Духовн. Акад.: но и ныне по окраинам молятся ему проклятому богу Перуне (Krek, Einleitung, стр. 385).
54. Там же.
55. Рукопись эта состоит из семи разговоров учителя с его учеником. Что рукопись греческого происхождения, видно из употребленных в тексте греческих имен. Рукопись открыта в монастыре св. Кирика, в окрестностях селения Смиловцы Царибродского уезда.
56. В.Априлов, Денница Ново-болгарскаго образования, Одесса, 1841, стр. 92.
57. Г.С.Раковски, Горский Путник, Новый Сад, 1857, стр. 168. 58. M. de Marcellus, Chants du peuple en Grece. T.II. Paris, 1851, стр. 214.
59. Г.С.Раковски, Ключ болгарского языка, Одесса, 1880, стр. 93.
60. В старину имя Перун служило также и собственным именем. В одной рукописи XII века упомянуто, что Перун, Хорс, Велес и Траян были именами лиц (Krek, Einleitung, стр. 384), возведенных в божества "на ны обратиша" (Archiv f. sl. Ph/ XI, стр. 305) В XIII-XIV веках "Дубровичанка какая-то именовалась Перхуна" (Rad.,кн. 89, стр. 132).
61. Сборник министерства, XV, стр. 198.
62. Миладиновы, Сборник, 2-е изд., стр. 533.

63. Это сведение добыл славинский уроженец Драгутинь М. Перунович. Очень может быть, что это семейство то самое, упомянутое Караджичем в "Живот и обичаји", Беч, 1867, стр. 93.
64. Эти сведения добыл доктор Алаупович из города Сараево.
65. Grzetic Gaspicev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192, 193.
66. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2- Aufl. Graz, 1887, стр. 383 и далее.
67. Бранислав Нушич, Косово, I, стр. 166.
68. Шапкарев, Сборник, кн. VI, N-1226 & N-973.
69. Порфирьев, Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, СПб., 1890, стр.: 280; 3, 22; 23; 249.
70. Grzetic Gaspicev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192, 193.
71. Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, 2- Aufl. Graz, 1887, стр. 383 и далее.
72. Grzetic Gaspicev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192, 193.
73. Rad, кн. 89, стр. 133: "U selu Dubravi, pod pomenutom planinom Perun, prica se da su se na neke mjestu selu ljudi nekad klanjali bogu Peruny".
74. К. Јованович, Речник свију вароши, варошица, села и засеока у Србији. Белград, 1872, стр. 57 и 129. - Милиневич, Кнежевина Србија, Београд, 1876, стр. 758.
75. Милиневич, стр. 825.
76. Краевина Србија. Београд, 1884, стр. 414.
77. Стефан Захариев, Описание на Татар-Пазарджишка-тя каазя, Віена, 1870, стр.: 64; 56-57.
78. Иречек, Княжество България, II. Пловдив, 1899, стр. 445. 79. Срв. д-р J.X. Василевич, Драгаш и Константин Дејанович. Београд, 1902, стр. 45.
80. Miklosich, Lexicon p. sl. gr. I. под именем Пероунъ.
81. Барсов, Очерки русской исторической географии, 2-е изд. Варшава, 1885, стр. 203.
82. Grzetic Gaspicev, O vjeri starih slovjena. Mostar, 1900, стр. 192, 193.
83. H. Weigand, Die Aromunen, I. Leipzig, 1895, стр. 92.
84. Д. Шеппингъ, Мифы славянского язычества, М, 1849, стр. 117.
85. Lahovari, Marele Dict. Geografic, IV, Bucaresti, 1901, sub voce.
86. Cantacusenius, II, 406.
87. В болгарской литературе существует написанная Ил.Р.Бльсковым книга с фольклорным материалом под названием "Перуника"; Варна, 1884.
88. У французов "цветок Юпитера" (joubarbe, sainte-barbe) с гадательным значением. Если он процветет, любимый вернется, если нет - он погибнет.
89. Можно сравнить с "Ботаническим Словарем" Анненкова.
90. В. Мочульский. О мнимом дуализме в мифологии славян. Варшава, 1889, стр. 51.
91. По А. Губернатису (La Mythologie des plantes II. Paris, 1882, стр. 174) один из видов этого растения - Iris odoratissima - в Греции садили по кладбищам, по всей вероятности, вследствие его имени на память богини Ирис, посылаемой сопровождать усопших женщин в их вечные жилища. Этот самый обычай существует и теперь у болгар - так, в

окрестностях Трнова по кладбищам на могилах вскоре после похорон, умерших тоже садится это растение (по сообщению Ив.Ив.Момчилова).

92. Preller, Griechische Mythologie, I. Berlin, 1887, стр.126.
93. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
94. J.Grimm, Deutsche Mythologie, I, стр.144-145 & А.Н.Веселовский, там же, стр. 313, 340-341.
95. J.Grimm, Deutsche Mythologie, I, стр.144-145 & А.Н.Веселовский, там же, стр. 313, 340-341.
96. Миладиновы, Сборник, см. N-25 & N-34 & 53.
97. Вук, Песме II, стр.5 & стр.3.
98. Вук, Песме II, стр.5 & стр.3.
99. Вук, Српске народне пјесме из Херцеговине. Беч, 1886, стр.305.
100. Ястребов, Обычаи и песни турецких сербов, 2-е изд., стр.95.
101. Илиев, Сборник, N-266.
102. Миладиновы, Сборник, см. N-25 & N-34 & 53.
103. Сборник министерства, II, стр. 27.
104. Сборник министерства, XIII, стр. 332.
105. Дацов, Зайчаръ и неговото население. София, 1884, стр. 14.
106. Сборник министерства, XIV, стр. 99.
107. Сборник министерства, VI, стр. 93.
108. Сборник министерства, XII, стр. 127.
109. Этнографическое Обозрение, XXXIX, стр. 113.
110. Вук, Живот и обичаји народа српскога. Беч, 1867, стр. 66.
111. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
112. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
113. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
114. Порфирьев, Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, СПб., 1890, стр.: 280; 3, 22; 23; 249.
115. Исторические чтения о языке и словесности. СПб, 1855, стр. 185.
116. Миладиновы, Сборник, N-30. Можно сравнить с: Сборник Министерства, II, стр. 164.
117. Вук, Песме II, стр.5 & стр.3.
118. Любенов, Сборник III, стр.29-30. Можно сравнить с: 88.
119. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
120. Иван Забелин, История русской жизни, М, 1879, II, стр.: 276,323; 511.
121. H.Usener, Gotternamen, Bonn, 1896, стр. 97.

122. Guagnini, Sarmatiae Europaeae descriptio, 1578, цит. у Leger, Mythologie slav. Pari, 1901, стр. 57-58. Можно сравнить также с: 32.
123. Чтения в императорском обществе ист. и древн. рос., Москва, 1860, I, стр. 18.
124. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
125. Стефан Захариев, Описание на Татар-Пазарджишка-тя каазя, Виена, 1870, стр.: 64; 56-57.
126. Сборник Министерства, VIII, стр. 61.
127. Slovansky Sbornik, V, стр. 77 и далее.
128. Шапкарев, Сборник VII, София, 1891, стр.: 185; 172.
129. Miklosich, Monumenta Serbica, стр. 93.
130. Хала, как и употребляемое в восточной Болгарии в этом значении "ламя", греческого происхождения. По ново-гречески χαλαδι - град, λαμιζ (от. кор. λαμοζ - пропасть, глубина) - мифологическое чудовище. По болгарски "хала" означает буря, ветер с дождем и градом. В переносном же смысле халой называют безрассудного. Сложное слово "аламуня" (хала - молния) встречается и в заклинаниях: "Да те удари аламун'ата!", "Скъцала го е аламуњата и него" (Любенов, Сборник, III, стр. 16.).
131. Сборник Министерства, VII, стр. 375.
132. Сборник министерства, XII, стр. 127.
133. П.А. Ровинский, Черногория, II т. СПб, 1901, стр. 452-453.
134. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, II, стр. 558-559.
135. Афанасьев, Поэтические воззрения славян на природу, II, стр. 558-559.
136. А.Н.Веселовский, Разыскания, VIII, стр.: 294-353; 325; 328; 336; 294; 321.
137. Andersen, Mythologie scandinav. Paris, 1886, стр. 173 и далее.
138. Proc., De bello Gothico, III, 14.
139. Starine, X, 123.
140. Известия Императорской Академии Наук, по О.Р.Я. и С., т. VI, кн. 4, стр. 127-128.
141. Starine, X, 123.
142. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, II, стр.: 361; 363; 370.
143. можно сравнить мнение В.Н.Перетца в Известиях, т. VI, кн. 3, стр. 40-41.
144. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, II, стр.: 361; 363; 370.
145. Порфирьев, Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, СПб., 1890, стр.: 280; 3, 22; 23; 249.
146. Влияние громовников сохраняется и теперь. Е.Каранов говорит, что видел книгу с именем "Гръмовниче" в библиотеке священника Нишки (Сборник Министерства, IV, 305).
147. Порфирьев, Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях, СПб., 1890, стр.: 280; 3, 22; 23; 249.
148. С. Вацов, Народна метеорология. София, 1900, стр. 5.

(с) Йордан Иванов, 1903